

Работать, не забывая старое и учиться новому

"Без галстука" №48 с Виталием Наумкиным

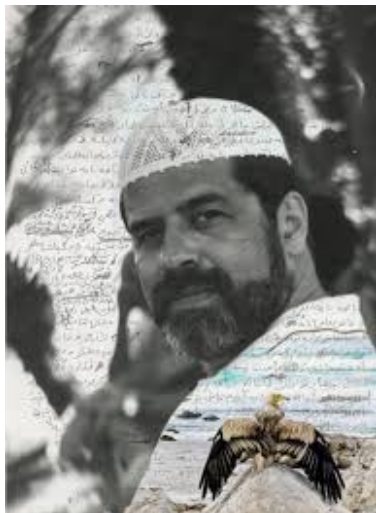
ОТ РЕДАКЦИИ: *Сегодня, 21 мая, свой день рождения празднует ведущий советский и российский историк-востоковед, исламовед, директор и научный руководитель Института востоковедения РАН **Виталий Вячеславович Наумкин**, который также является большим другом ПИР-Центра и состоит в Экспертном совете ПИР-Центра с 2014 г. и Международном клубе «Триалог» с 2018 г. В этом выпуске «Без галстука» мы провели интервью с именинником о его творческом детстве в Екатеринбурге, балете и любви к арабскому языку, особенностях современной системы образования и почему молодёжь нынче меньше читает, как **Виталия Наумкина** хотели заставить учить хинди, кто такие «шанхайцы», особенностях профессии переводчиков-синхронистов, а также о его личных подходах к карьере и саморазвитию.*

Детство в творческой среде

Если начинать наш разговор с моего детства, то да, отец действительно был достаточно известен в кругах любителей балета, в особенности на Урале. Фактически он был создателем уральской школы балета в Екатеринбурге. Мой отец долгое время был премьером и танцевал ведущие партии, а также поставил множество спектаклей. Мама была весьма талантливой солисткой.

Могу сказать точно, что жить в атмосфере искусства и театральной среде довольно непросто для ребенка, который имеет совершенно другие интересы. С самого детства меня захватили вещи, которые впоследствии вылились и реализовались непосредственно в мою профессию.

Большую часть времени мои родители были заняты спектаклями, репетициями, которые отнимали большую часть дня. В таком темпе было достаточно непросто, основную часть воспитания взяла на себя моя бабушка. В школьные годы я активно занимался музыкой, учился игре на фортепиано, по моему мнению, это сильно помогло мне в освоении восточного языка.

Отчасти мои родители хотели бы видеть меня профессиональным музыкантом, но я не наблюдал у себя достаточного потенциала для реализации себя в данной сфере.

Возвращаясь к арабскому языку, я понимаю, что музыка действительно облегчила мне путь изучения языка. Хотя арабский язык не имеет тонов, он все равно требует проведения серьезной работы с голосовым аппаратом. Арабский язык требует больших усилий, занятия музыкой мне оченьгодились при изучении фонетики на первом курсе. И я считаю, если человек это сразу не освоил, не научился гортанным звукам и остальным элементам, ему будет сложно овладеть языком.

Выбор профессии

У меня никогда не было мыслей по поводу карьеры в балете, как и физических данных, которые обязательны для данной сферы. Я всегда был увлечен чтением, склонен к интеллектуальной работе с книгами. Мне хотелось, и писать, и работать в этой сфере. Возвращаясь к теме музыки, со слов моих преподавателей у меня были способности к сочинению музыкальных произведений. Но эти эксперименты быстро закончились, к сожалению, надо признать, что я оказался достаточно ленив, а меня никто не заставлял заниматься, как это нужно для детей, которые становятся музыкантами. Я никогда не испытывал давления со стороны, выбор своей будущей профессии я сделал самостоятельно. Я никогда не думал, что буду именно арабистом, но отчетливо понимал, что стану заниматься чем-то близким к этому.

Советская школа и система образования

Хочу сделать поправку, школу я закончил с серебряной медалью. Если не ошибаюсь, то я допустил одну ошибку в выпускном сочинении – пропустил восклицательный знак. В остальном у меня были одни пятерки. Могу отметить, что у нас была очень строгая преподавательница. Я очень горжусь своей медалью, больше в моем выпуске нашей школы с усиленным преподаванием английского языка медалей не было.

Многие вещи того времени могли бы изумить нынешних школьников. Все же это была совершенно другая система. На данный момент старая система образования постепенно начинает изживать себя. Но нельзя не отметить, что эта советская система работала очень хорошо. Главное, что было в то время, это, конечно, универсальность образования, преподавание большого числа предметов фундаментального свойства, которые теперь, наверное, кажутся нынешним школьникам избыточными, ненужными. Советская система образования не включала в себя шкалу вопросов с вариантами ответов. Она учила мыслить и размышлять. Учила осваивать большой пласт литературы. Не секрет, что большинству нынешних детей, школьников, да и студентов очень трудно много читать, осваивать большое количество литературы. Я наблюдаю даже по своим студентам, что большинство отдают предпочтение цифровому формату, а не посещению библиотек.

Но при всем этом, я понимаю значение интернета в нынешней системе образования. Глупо не замечать, что технологии идут вперед, наша жизнь меняется и подстраивается под них, происходит всеобщая цифровизация. Информационная революция создает другого человека. Не могу отрицать, что мне хотелось бы видеть больше читающих студентов, которые черпали бы знания из научной литературы, из классического наследия, художественной литературы. Ни для кого не секрет, что в интернете это делать очень трудно. Лично я нахожу трудность в том, чтобы освоить какой-то большой научный труд, будь то монография или даже статья в

электронном виде. Происходит это по причине того, что я не вижу всей книги, не могу ее бегло читать и просматривать. Я обладаю навыками быстрого чтения, это позволяет знакомиться с содержанием, читая книгу, пролистывая страницы, что дает возможность составить впечатление о сути написанного. Этот алгоритм не подходит для цифрового формата. У школьника «прошлого» был опыт работы с бумажными носителями, вырабатывался специфический навык обработки информации.

Если говорить о различиях, которые могли бы удивить нынешних учащихся, то нельзя не обратить внимания на способ самого письма – раньше писали от руки. Сейчас же большинство печатает на компьютере, что без сомнения намного удобнее, есть возможность вычленять текст блоками, быстро править. Я считаю, что для этого нашему поколению потребовалась перестройка сознания, а если повернуть его в прошлое у нынешней молодежи, то старые методы обучения, наверное, вызвали бы ужас у современного школьника. Большим удивлением для школьников «настоящего» стала бы нехватка общей информации. В нынешнее время можно кликнуть на клавишу и получить любой справочный материал, любую информацию о конкретном человеке или явлении. У меня была очень хорошая память, но было мало материалов, которые можно было использовать. И я себя ловлю на мысли о том, что если бы эти достижения, которыми мы сегодня пользуемся, мы могли получить в нашем детстве, то больший процент умных и талантливых людей могли бы добиться чего-то более выдающегося.

Путь к Институту восточных языков при МГУ

Это было в старших классах, вопрос выбора встал в последние два года пребывания в школе. Окончательно я все определил для себя во время подготовки к поступлению в Институт восточных языков при МГУ имени М.В. Ломоносова. Упор был сделан на английский язык. Знания я получал в своей школе, где практиковалось углубленное изучение английского языка, а также у меня была возможность брать частные уроки с прожившей практически всю жизнь в Екатеринбурге носительницей языка, уроженкой США. История

этой женщины заслуживает отдельного внимания. В закрытом городе Екатеринбурге того времени не было иностранцев, найти носителя языка для практики было практически невозможно. Эта женщина приехала в 30-х годах навестить своего сына, который был американским коммунистом, приехал в Екатеринбург по идейным соображениям, работал инженером на Уралмаше. К сожалению, в скором времени после ее приезда его репрессировали как американского шпиона. Сына расстреляли, а мама получила небольшой срок. Всю оставшуюся жизнь она прожила в Екатеринбурге, где давала частные уроки английского языка. С ней стало возможно подтянуть язык на совершенно другой уровень.

Но нельзя недооценивать и знания, которые я получил в школе. Такой уровень преподавания языка в школе был достигнут благодаря отличным преподавателям, которых называли «шанхайцами». Это были репатриированные русские, которые эмигрировали в Китай в 20-х годах, жили в г. Шанхае, Харбине и других. После окончания войны и образования КНР «шанхайцам», которые в прошлом не были связаны с белым движением, предложили вернуться и предоставили гражданство. Среди них был известный певец Вертинский. Многие из них осели на Урале, среди них были и преподаватели моей школы. Таким образом, в языке я чувствовал себя достаточно уверенно. Большое время занимала у меня подготовка по гуманитарным предметам для поступления в Институт восточных языков при МГУ (ныне ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова). Не буду скрывать, что это было достаточно нелегко, нужны были высокие баллы. Но в итоге я поступил с первого раза.

От хинди к арабскому

У нас была интересная система выбора языков. Абитуриенты, которые набирали максимальное количество баллов, имели право выбора. В ином случае языки распределялись между студентами руководством факультета. Это было предпринято для того, чтобы были задействованы не только самые востребованные на тот момент языки. Сейчас, к примеру, многие хотят изучать китайский, в то время он не был таким популярным. Преподаватели особенно отмечали тех, у кого были способности к изучению тонального языка. Я целенаправленно хотел изучать арабский, набрал 24 из 25 возможных баллов. К моему удивлению, меня зачислили на хинди. Председатель комиссии оказался заведующим кафедрой языков Южной Азии, в частности индийского языка. Он захотел определить на свою кафедру. Несмотря на мое недовольство, был издан приказ, где я числился в группе хинди. Но я был решительно настроен на изучение арабского языка и пробился на прием к директору ИВЯ МГУ А.А. Ковалеву. Александр Александрович был еще и заведующим кафедрой арабской филологии, думаю, что ему оказалась близка моя влюбленность в арабский язык. Я готовился стать арабистом, другие варианты не рассматривал и был решительно настроен забрать документы в случае отказа. После нашей беседы я был переведен на арабский язык.

О творчестве в стенах альма-матер

В мои студенческие годы были не очень развиты кружки, научные сообщества. Но внеучебная деятельность присутствовала. Я увлекался рисованием и реализовывал себя в стенгазете. Первые два года учебы я занимался самодеятельностью, аккомпанировал нашим певцам, мы даже собрали студенческую группу. Занимался немного спортом. К сожалению, это продлилось немного, все силы у меня уходило на изучение основных предметов, в первую очередь арабского языка. Большая часть моей активности на факультете подчинялась главной задаче – вывести арабский язык на достойный уровень. Считаю, что мне это удалось, уже после второго курса я стал работать переводчиком.

О летчиках-истребителях и переводчиках-синхронистах

Хотелось бы сказать студентам, которые планируют работать переводчиками, что есть просто знание языка, а есть понятие различных языковых навыков. Бывает, что в силу своих психологических и физических особенностей некоторые люди не могут одновременно слушать, запоминать текст и выдавать перевод того, что запомнил перед этим. Так работают синхронисты. При последовательном переводе нужно либо запоминать, либо записывать немалый кусок текста, а потом уже переводить. Но иногда нет возможности сделать себе пометки. Бывает, что даже хорошее знание языка не может гарантировать успех для переводчика. Я бы посоветовал знать два иностранных языка, как минимум. Синхронистов во времена моей молодости с арабским языком можно было пересчитать по пальцам. Группе из пяти человек, в том числе меня, доверяли работать «на высшем уровне», на высших политических мероприятиях, в том числе съездах КПСС. Это была огромная ответственность, безусловно, нужно было иметь способность к данному ремеслу и учиться им владеть. Повторюсь: работая, вы должны слушать и запоминать, говоря, и говорить, слушая и запоминая. Это бывает особенно трудно с языками, где порядок слов сильно не совпадает с порядком в русском предложении. А в арабском нужно еще понимать основные разговорные диалекты, желательно еще на них говорить. Для устного перевода знание диалектов обязательно.

«Нужно оставить о себе память в профессии»

Главное, это конечно работа, постоянная и в двух направлениях.

С одной стороны, нужно постоянно оттачивать навыки, которые у тебя есть, особенно в нашей специальности. Никогда не нужно забывать, что если ты знаешь язык, то он всегда будет на высоком уровне. Его нужно постоянно освежать. Это с одной стороны.

С другой стороны, нужно все время изучать что-то новое. Я привык к тому, что нужно непрерывно погружаться в новые дела, новые темы, новые занятия. Это касается и научной работы, и практической. Арабский Восток и Ближний Восток дают очень широкое поле действий для самореализации, всегда есть возможность узнать что-то новое, так что и человеческой жизни на это не хватит. Нужно оставить о себе память в профессии. Получать новые знания, что-то осваивать – это очень интересно и дает стимул к жизни, без которого становится скучно.

Вот мой девиз: «Работать, не забывать старое и учиться новому».

Интервью: Артём Ломакин

Редактура: Никита Дегтярев, Егор Чобанян